Мы часто ошибаемся, полагая, будто Бог несправедлив.

Один трудится в поте лица, но не получает ничего; другой — праздно проводит дни, владея целым миром. На самом деле у судьбы свои весы, и её мера справедливости куда сложнее, чем мы привыкли думать. Чтобы обрести желаемое, нужно вынести соразмерную муку. А достигнув иного берега, познаешь счастье, ценность которого неизменна для каждого.

— 23 ноября 2004 года.

***

Линь Илинь не знал, сколько длился этот поцелуй. Всё казалось зыбким, нежным и пугающе нереальным. Чэнь Лу, высокий и статный, словно окружил его собой, не оставив в мире ничего, кроме сияния своих сапфировых глаз.

Лишь когда лифт, преодолев путь с двадцать шестого этажа, замер на первом и прозвенел колокольчик, реальность с опозданием вернулась на место.

Линь Илинь сжал кулак и наотмашь ударил его по лицу. Чэнь Лу даже не попытался уклониться — лишь глухо охнул, принимая удар.

— Ты… ты что творишь?! — Линь Илинь замер, поражённый собственной смелостью, и, попятившись, поспешно спрятал кулак за спину.

Чэнь Лу осторожно коснулся саднящего уголка губ и, прищурившись, едва заметно улыбнулся:

— Целую тебя.

У Линь Илиня голова пошла кругом. В груди всё болезненно сжалось, а в мыслях воцарился хаос.

— С ума сошёл! — выкрикнул он и, не оглядываясь, бросился прочь.

Молодой господин Чэнь остался в лифте один. Огромный холл роскошного отеля пустовал.

На самом деле Чэнь Лу всё это задумал лишь потому, что видел, как Илинь вымотался после того марафона. Чтобы этот упрямец мог спокойно и вкусно поесть, он уговорил директора Янь закрыть отель на целый вечер и устроить этот приём.

А в итоге… не сдержался и всё испортил.

Разочарованный, Чэнь Лу нажал на кнопку закрытия дверей, скрываясь от любопытного взгляда портье. В замкнутом пространстве кабины лишь мерцал красный огонёк камеры наблюдения.

Он прислонился к зеркальной стене, бросил в объектив пленительный и дерзкий взгляд и тихо произнёс:

— Привет, мам. На этот раз я не шучу.

***

Есть вещи, которые с самого рождения предопределены как невозможные.

Линь Илинь сидел на своей кровати в тёмной комнате общежития. Его била дрожь, и он невольно забился в самый угол, поближе к холодной стене.

Прерывистое дыхание, горькие воспоминания и саднящая боль в губах — он слишком сильно тёр их, пытаясь стереть следы поцелуя. Всё это твердило об одном: случившееся не было наваждением.

«Неужели у геев это в крови? Особенная аура?» — с ужасом думал он.

Иначе почему в столь юном возрасте он раз за разом притягивает подобных себе? Почему они пробуждают в нём страх и боль, которые он так глубоко запрятал в самую душу?

«Разве я виноват, что в моей ДНК записано не то, что у других?»

«Как бы я хотел быть просто обычным…»

Линь Илинь в отчаянии уткнулся лицом в колени, в сотый раз беззвучно взывая к небесам:

«Господи, почему ты не дал мне выбора? Это несправедливо. Это чертовски несправедливо».

***

— Сяо Линь, не бойся… Папа очень тебя любит, папа не сделает тебе больно. Будь умницей, не плачь.

Ледяной шёпот и сокрушительная мужская сила вновь бесцеремонно ворвались в его память. Удушливый запах перегара ощущался настолько явно, что спрятаться было негде.

Он чувствовал себя загнанным в грязный ад, и единственным желанием было выбраться наружу. Пусть там не будет света — он согласен даже на смерть, лишь бы уйти чистым.

Маленькое тельце в руках взрослого мужчины билось с невероятным, отчаянным упорством. Тонкий детский голос сорвался на истошный крик:

— Мама! Мамочка! Помоги! Мама!..

Внезапный глухой удар оборвал этот бред.

Лицо мужчины исказилось от вожделения и боли, глаза расширились. Густая алая кровь медленно потекла вниз, капая на лицо ребёнка, залитое слезами.

Смерть была тяжёлой и душной — падающее тело мужчины едва не раздавило мальчика, лишая его воздуха.

***

Мягкое прикосновение прогнало кошмар.

Линь Илинь резко распахнул глаза. Увидев в свете настольной лампы знакомые синие глаза, он вдруг успокоился. Всхлипы затихли сами собой.

Чэнь Лу убрал руку от его мокрого лица и протянул салфетку. Он выглядел растерянным.

— Я так сильно тебя напугал? Ты даже во сне звал маму.

Линь Илинь безучастно вытер слёзы, выпрямился и сел на край кровати. Его голос прозвучал глухо:

— Ты гей?

— Не знаю, — честно ответил Чэнь Лу.

— Не становись им. Это проклятие, — Линь Илинь чеканил каждое слово, глядя в пустоту. — Ты пожалеешь, если променяешь нормальную жизнь на то, чтобы стать извращенцем.

Чэнь Лу, чьё мировоззрение было пропитано западным воспитанием, лишь качнул головой:

— Это не так. В этом нет ничего противоестественного. Это заслуживает уважения.

— Как хочешь… — Илинь устало опустил голову. — Просто держись от меня подальше.

Видимо, в его голосе было столько льда, что Чэнь Лу невольно отстранился. Он сел на стул и серьёзно спросил:

— Почему?

Линь Илинь глубоко вздохнул и посмотрел ему в глаза:

— Потому что я гей. Настоящий. Это не твоё мимолётное увлечение, это моя суть.

Он произнёс это так буднично и в то же время страшно, что Чэнь Лу не нашёл слов. Ему оставалось лишь молча смотреть на этого хрупкого юношу, окутанного мягким светом лампы.

Словно желая окончательно отвадить незваного гостя, Линь Илинь горько усмехнулся и заговорил вкрадчиво:

— Жил-был художник. Однажды, скитаясь по чужим городам, он встретил красавицу — учительницу игры на фортепиано. Они влюбились, поженились, через год у них родился сын. Казалось, жизнь была идеальной. Но потом этот художник связался с какими-то дружками-артистами, попал в их круги, и гены гомосексуальности, дремавшие в нём, проснулись. Он начал гулять с мужчинами. Жена сгорала от боли, но ради сына терпела всё. Она и подумать не могла, что в одну из ночей её безумный муж, наглотавшись спиртного, изнасилует собственного ребёнка, которому не было и десяти лет.

Чэнь Лу побледнел. По его взгляду было ясно — он понял каждое слово.

— От ужаса женщина лишилась рассудка. Она насмерть забила мужа пепельницей прямо на месте, а сама навсегда погрузилась в пучину шизофрении. Счастливая семья превратилась в руины.

Линь Илинь сделал паузу, вглядываясь в лицо собеседника.

— Жизнь матери и сына из достатка скатилась в нищету. Женщина потеряла работу, их обоих презирали и травили за то, что произошло… И вся эта боль — из-за одного-единственного художника. Самое жестокое в этой истории то, что подросший сын в отчаянии осознал: он такой же, как его отец-монстр. Он не знал, что делать. Единственное, что ему оставалось — заставлять себя учиться до седьмого пота, чтобы когда-нибудь увезти маму в лучшее место. Чтобы забыть прошлое. Чтобы начать всё заново.

Линь Илинь вздохнул и покачал головой:

— Теперь ты понимаешь? Можешь меня больше не проверять. Я не смогу никого полюбить. Больше всего на свете я ненавижу именно геев.

***

Наверное, Бог и впрямь несправедлив.

Живя в Штатах, Чэнь Лу видел немало парней из неблагополучных семей. Большинство из них топили своё горе в пороках: они плевали на общественные запреты, торговали собой или наркотиками, опускаясь на самое дно. К ним он не чувствовал ничего, кроме отстранённого сочувствия.

Но Линь Илинь был другим.

Блестящий ученик, вечный лидер рейтинга, человек, который всегда готов прийти на помощь. Даже когда над ним издевались, он не затаивал злобы. Он был удивительно самостоятельным, никогда не брал у семьи ни копейки. Он любил чистоту — две его единственные школьные формы всегда были идеально выглажены. А ещё он любил улыбаться, и на его бледном лице тогда проступали очаровательные ямочки.

Он не был «испорченным». Его напускная холодность — лишь тонкая броня, за которой он прятал разорванное в клочья сердце.

Он был едва ли не лучшим человеком из всех, кого Чэнь Лу когда-либо встречал.

Думая об этом, Чэнь Лу набрал воздуха и осторожно сжал руку Илиня — ту самую, что мелко дрожала, несмотря на все усилия юноши. В тот миг принц Чэнь Лу понял: благородное происхождение и деньги не значат ничего перед лицом такой воли. Одни сдаются сразу, другие — выбирают идти до конца.

Верность своим принципам — мучительное качество. Тот, кто привык бороться, всегда страдает больше тех, кто привык отступать. Им приходится идти дольше, ранить себя глубже, и всё это — ради крохотной, почти невидимой награды.

Время тянулось медленно.

Когда Линь Илинь немного успокоился, молодой господин Чэнь робко спросил:

— У меня… совсем нет шансов?

Сяо Линьцзы тут же вырвал руку. Он не ответил, лишь посмотрел долгим, пустым взглядом, после чего отвернулся к стене и накрылся одеялом с головой.

Чэнь Лу остался сидеть на стуле, потерянно глядя в пространство.

Он понимал: такие люди, как Линь Илинь, не открывают свои тайны просто так. И если он заговорил — это был окончательный отказ. С нынешним жизненным багажом Чэнь Лу просто не знал, как залечить такие страшные раны.

Впервые в жизни чувство полного бессилия накрыло его в эту холодную зимнюю ночь. Это было почти невыносимо.

Но даже в этом отчаянии упрямство взяло верх.

— Можно мне поспать с тобой? — тихо спросил Чэнь Лу. — Только один раз. Просто полежу рядом. Обещаю, больше я не буду тебе надоедать.

Илинь не шевельнулся.

— Я правда люблю тебя. Это не прихоть. Ты ведь умный, ты сам всё видишь, верно?

Тишина.

Приняв это за молчаливое согласие, Чэнь Лу грустно улыбнулся. Памятуя о том, через что прошёл Линь Илинь, он лишь осторожно прилёг на самый край кровати, не смея даже протянуть руку.

Этой ночью Чэнь Лу так и не сомкнул глаз. А Линь Илинь, измотанный до предела, вскоре уснул.

Сначала он лежал спиной к нему, но ночной холод — в комнате не включили кондиционер — заставил его неосознанно повернуться. Он свернулся калачиком рядом с Чэнь Лу, совсем как ребёнок.

Они жили в одной комнате так долго, но Чэнь Лу впервые мог так близко и ясно рассмотреть его во сне.

Лицо Илиня было спокойным. Тонкие длинные ресницы мелко подрагивали в такт ровному дыханию, напоминая замерших на цветах чёрных бабочек.

В этот миг всё казалось таким мирным, будто и не было никакой боли.

Как было бы хорошо, если бы тех ужасов действительно никогда не случалось.

http://bllate.org/book/17434/1663444